

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Е. Л. Конявская

ЛЕТОПИСНЫЕ «РОСТОВЦЫ», «СУЗДАЛЬЦЫ» И «ВЛАДИМИРЦЫ» ВО ВРЕМЯ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО И АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО¹

В ранних летописных источниках содержится немало информации по истории становления, изменения статуса и особенностей развития Ростово-Суздальской (а затем Владимиро-Суздальской) земли в XII в., когда регион претерпевал различные трансформации.

Датой становления независимого Суздальского княжества принято называть 1125 г. Хотя прямого указания на этот счет источники не содержат, но говорится, что после похорон Владимира Всеволодовича «снѡве его разидошася. кождо въ свою волость. с плачемъ. великомъ. идеже баше комуждо ихъ раздавалъ волости»². В дальнейшем речь идет о том, что Мстислав сел в Киеве, а Ярополк в Переяславле, но информации о том, что все разошлись по волостям, которые Мономах им «раздал», достаточно, чтобы понять: братья Мстислава Великого стали правителями независимых княжеств. Они приобрели суверенитет, так как были наделены волостями не старшим братом, а покойным отцом. Как известно, Юрий после женитьбы был посажен в Суздаль Владимиром Мономахом, при этом Ростов Владимир Всеволодович, очевидно, оставлял за собой [Кучкин, с. 37]. Теперь Ростов оказывается во владениях Юрия Долгорукого, чему есть прямое подтверждение под 1134 г., когда Юрий в обмен на Переяславль Южный предлагает Ярополку «Суждаль . и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю» (Т. 2. Стб. 295). При этом нужно обратить внимание на то, что здесь Суздаль стоит на первом месте. Это подчеркивает значимость нового центра.

Вскоре на Северо-Восточные земли двинулся Всеволод Мстиславич с новгородцами. По сообщениям летописей, он действовал в интересах своего брата Изяслава, потерявшего владения. Эти известия впервые после 1125 г. упоминают не только Ростов и Суздаль, но и жителей Ростово-Суздальской земли — ростовцев и суздальцев. При этом оказывается, что новгородская летописная версия отличается от киевской. В Новгородской I летописи (далее — НI) говорится, что Всеволод хочет посадить Изяслава «Суждали», среди новгородцев идет речь о перспективах будущей «Суждальской войны». Второй раз в том же 1134 г. в морозы Всеволод снова идет ратью на «Суждаль». Новгородские летописцы обычно старались показать, что потери противника гораздо значительнее. Так и в этом повествовании о сражении по именам

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-04-00010.

² ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 289 (далее указание тома и столбцов в скобках в тексте).

названы два погибших новгородских посадника, говорится, что пало много «добрыхъ муж, а суждальць боле»³.

В Ипатьевской летописи (далее — Ип) есть информация только о втором походе, и также говорится о суздальцах: «бишася Новъгородъчи . съ Соуждальчи на Жданѣ горѣ . и шдолѣша Соуждалци Новгородцем» (Т. 2. Стб. 300)⁴.

В Лаврентьевской же летописи (далее — Лавр) в обоих случаях речь идет о Ростове и ростовцах: «Тою же зимы бишася Новгородци с Ростовци [на Жьдни горѣ]. и побѣдиша Ростовци. Новгородци . и побиха множество ихъ . и воротихася Ростовци с побѣдою великою»⁵. Судя по маршруту следования новгородских полков, которые развернулись на Дубне, целью их движения действительно был Суздаль. Второй поход, закончившийся сражением на Ждане горе, также был в этом направлении — на Суздаль, а не на Ростов. Таким образом, нужно признать, что, с одной стороны, новгородцы целенаправленно двигались к Суздалью, как главному городу княжества, с другой — отчасти в летописях представлено «запаздывание» в определении столярного центра (как позднее будет с Суздалем). Как показано А. Н. Насоновым, отсутствие данных о летописании в это время в Ростово-Суздальской земле заставляет видеть происхождение этих текстов Лаврентьевской летописи из южно-русской летописной традиции⁶ [Насонов, 1969, с. 109, 114–131]. В книге о летописании, не рассматривая этот вопрос специально, ученый исходил из «ростовской версии». А в своей ранней работе «Князь и город» он писал: «В тех случаях, когда летопись отмечает события Рост. земли, обычно оказывается, что волость пребывает без князя», приводя в пример в числе других и сюжет с битвой на Ждане горе. Далее историк утверждал, что в такой ситуации особое значение имели «местные политические связи и отношения между городами, которые соединяли волость и давали ей известную организацию». В подтверждение он привел пример из Типографской летописи того, как Ростов выступает защитником «своих пригородов, поскольку у них не было средств к самостоятельной обороне» [Насонов, 1924, с. 6]. В Типографской летописи XVI в. рассказывается, как в 1152 г., когда Ярославль «оступиша» волжские болгары, ростовцы пришли на помощь жителям «городка». Если следовать данной логике, нужно думать, что и в 1134 г. ростовцы пришли на помощь суздальцам. Возможно, так и рассуждали поздние редакторы, которые спустя столетия, имея, видимо, под руками противоречивые данные (где ростовцы, где суздальцы), указали и Ростов, и Суздаль и, соответственно, и ростовцев, и суздальцев. Такая картина представлена в Московском своде конца XV в., Ермолинской летописи. Однако ситуация с «городком» Ярославлем и городом Суздалем, который был резиденцией князя и, как показано выше, назывался летописцем первым (до Ростова), едва ли может считаться сходной.

Так или иначе примечательно, что первое упоминание о действии суздальцев/ростовцев, если рассматривать период существования самостоятельного Суздальского княжества, относится к ситуации, когда они действовали без князя и при этом одержали победу. Именно в силу этого обстоятельства данный контекст с упоминанием суздальцев/ростовцев как военной силы значим и позволяет сделать определенные заключения о степени организации жителей нового центра, готовности боярства возглавить военные действия и т. д. В других же случаях, касающихся военных походов, упоминания суздальцев и ростовцев (реже — владимирцев) как обозначения состава полков менее интересны для интерпретации, так как могут показывать лишь характер политических союзов и размеры войск противоборствующих сторон.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 23 (далее указание страниц в скобках в тексте).

⁴ Правда, ниже, согласно этой летописи, Юрий, возвращаясь с Юга, едет не в Суздаль, а в Ростов.

⁵ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 303 (далее указание тома и столбцов в скобках в тексте). В Московском своде конца XV века читается и Ростов, и Суздаль в обоих известиях.

⁶ Гипотеза Ю. А. Лимонова о существовании «Летописца Юрия Долгорукого» [Лимонов, 2003] не имеет основательных текстологических доказательств.

Таковы упоминания войск в НЛ:

- Под 6657 г. — столкновение новгородцев с Юрием Долгоруким из-за дани: «...бишася; и много леже обоихъ, нъ суждальць бещисла» (С. 28);

- Под 6675 г. Святослав Ростиславич подступает к Русе «съ суждалци и съ братома и съ смолняны и съ полоцаны» (С. 32);

- Под 6681 г. в сообщении о походе Юрия Андреевича на Киев: «Иде князь Гюрги Андреевиць съ новгородьци и съ ростовици Кыеву на Ростиславице» (С. 34);

В Лавр и Ип:

- Под 6662 г. Юрий Долгорукий идет «с Ростовци и с Суждалци и со всѣми дѣтми в Русь . и быс морь в коних въ всѣх воихъ его» (Т. 1. Стб. 341; Т. 2. Стб. 468).

- Под 6676 г. в составе войск похода на Киев: «Ростовци . и Володимерци . и Суждалци» (Т. 1. Стб. 354; Т. 2. Стб. 543, в Ип — под 6678 г.);

- Под 6682 г. в Лавр Андрей Боголюбский посылает на Киев против Ростиславичей сына Юрия «с Новгородци, и с Ростовци и с Суждалци» (Т. 1. Стб. 365), в Ип: «Ростовцѣ, Суждальци, Володмерци» и др. (Т. 2. Стб. 573). В описании дальнейшего хода событий еще более очевиден «войсковой» контекст, прямо говорится о полках: «блхуть бо ратьнии . на . г . полкы стоаще . Новгородци Ростовци . посредѣ же ихъ . Всеволодъ . Дюрдевичъ . своимъ полкомъ стоа» (Т. 2. Стб. 576).

Несколько иной смысловой оттенок видим в рассказе о взятии Киева в 1169 г. в Ипатьевской летописи: «и възаша имѣнья множество . и цркви ѿбнажиша иконами и книгами . и ризами и колоколами . изнесоша . всѣ Смолнани и Соуждалци и Черниговци . и ѿлгова дружина» (Т. 2. Стб. 545)⁷. Как известно из всей истории взаимоотношений между Киевом и Северо-Востоком, крайне враждебные действия во время войны, разграбление победившей стороной имущества побежденных, церквей, чинимое насилие сказывались на отношении к жителям соответствующего региона. Можно вспомнить слова летописца о том, что после смерти Юрия в Киевской земле «избивахуть Суждалци . по городомъ и по селомъ . а товаръ ихъ грабаче» (Т. 2. Стб. 489). Речь здесь явно идет не о воинах. Менее очевидно, но все же возможно думать, что примерно в таком же смысле упоминаются суздальцы и в статье 1169 г. Тут же мы встречаем выражение «Ольгова дружина» (то есть дружина Олега Святославича Новгород-Северского), которую летописец подчеркнуто отделяет от черниговцев.

Более отчетливо выделяется такое смысловое наполнение в заключительной фразе статьи 6645 г. НЛ, где летописец сетует: «не бе мира съ ними (с псковичами. — Е. К.), ни съ суждальци, ни съ смольняны, ни съ полоцаны, ни съ кыяны» (С. 25). Очевидно, что здесь суздальцы — это уже не воины-враги на поле брани, а народ соседнего государства.

Особо нужно отметить сообщение Ип об участии суздальских и ростовских войск в походе на Чернигов в 1138 г.: «съзвасл . съ братею своею . и съ снѡвци своими събрасл . и съ Соуждалци . и Ростовчи . с Полочанъ . и Смолнаны . и король Оугры посла . помощь . Берендичевъ . лтъисльщъ . и Тоуровцѣ и собра вои многы» (Т. 2. Стб. 301). Обращает на себя внимание то, что суздальцы и ростовцы⁸ здесь названы первыми в череде союзников Ярополка Владимировича. Кроме того, в паре «суздальцы-ростовцы» первыми идут суздальцы, что во время Юрия Долгорукого является довольно редким случаем. В летописных известиях за период княжения Андрея Боголюбского картина в этом смысле неустойчивая.

Как можно было видеть, по-разному выглядят известия о втором походе на Киев (1173 г.)

⁷ В Лавр читается иной текст.

⁸ В Лавр и Летописце Переяславля Суздальского (далее — ЛПС) текст выглядит несколько иначе (по всей вероятности, сокращен), и речь идет только о ростовцах, но в составе войск они также названы первыми: «Ирополку же скопиво множество вои . Ростовцѣ . Полочанъ . Смолнани . Оугры . Галичане . и Берендѣевъ . л . тысячъ . и Кыяне . Переяславци . Володимерци . Туровци» (Т. 1. Стб. 305).

сына Андрея Юрия в НІ, Лавр, Ип. НІ говорит о походе Юрия Андреевича с новгородцами и ростовцами, Лавр (и ЛПС) называет новгородцев, ростовцев и суздальцев, а в Ип указаны ростовцы, владимирцы и суздальцы.

Более сложными и интересными для анализа представляются контексты, где ростовцы, суздальцы и владимирцы предпринимают те или иные политические акции: собираются на вече для решения о выборе князя, определяют свои позиции и т. д. Такого рода информации особенно много в известиях за вторую половину 70-х — 80-е годы XII в., и они неоднократно анализировались исследователями. В меньшей степени изучены более ранние тексты такого рода.

В первую очередь, к таким сообщениям относится известие 1157 г., где говорится о вечевом решении ростовцев, суздальцев и владимирцев посадить владимирского князя Андрея, старшего сына Юрия Владимировича на «штни столе Ростовѣ и Суждали и Володимири» (Т. 1. Стб. 348). Как Суздальская земля представляется в течение длительного времени в источниках как единое территориальное образование, так и ростовцев и суздальцев до определенного момента летописцы изображают как некий монолит — они без распрей решают посадить на княжение Андрея. Это единодушие особо подчеркивается⁹: «здумавше вси», «занеже бѣ же любимъ всѣми». В едином порыве в 1159 г. выгоняют владыку Леона: «Того ж лѣт . выгнаша Ростовци . и Суждальци . Лешна епспа . зане оумножилъ блше цркъвь грабли попты» (Т. 1. Стб. 349; Т. 2. Стб. 595)¹⁰.

Но после гибели Андрея Боголюбского летописцы представляют уже другую картину. Разномыслие владимирцев сначала фиксируется в рассказе Ип об убиении Андрея Боголюбского. Заговорщики, опасаясь возмездия от владимирской дружины, посылают в город со словами, которые свидетельствуют о том, что среди владимирцев были их сторонники: «что помышляете на насъ . а хотим са с вами коньчати не насъ бо шдинѣхъ дума но и ш васъ . суть же в тои же думѣ . и рѣкоша Володимѣрци да кто с вами в думѣ то буди вамъ . а намъ не надобѣ» (Т. 2. Стб. 589—590). С одной стороны, в уста владимирцев вложена отповедь, фактически означающая отмежевание от сторонников заговора. С другой — мы видим длительное бездействие владимирской дружины в то время, когда тело князя не предано земле. Можно высказать предположение, что все это время члены дружины, разделенные на сторонников и противников погибшего князя, пытались выработать единую позицию. Возможно, устранение от действий было своего рода компромиссным решением.

Единственный раз и именно в этом рассказе мы встречаем наряду с «ростовцами», «суздальцами» и «владимирцами» выражение «боголюбцы». Причем летописец четко определяет, что это — горожане («горожанѣ же Бѣлюбци»¹¹), жители Боголюбова, которые повели себя так, как ведет себя толпа, влекомая безнаказанностью на бесчинства, подогреваемая крепкими напитками, запасы которых оказывались в их руках. При этом в грабежах во Владимире летописец «владимирцев» не обвиняет. После подробного описания боголюбских беспорядков о грабежах во Владимире сказано глухо: «такое же и Володимѣри». А затем «владимирцы» уже предстают как инициаторы перевоза тела убитого князя из Боголюбова. Ясно, что здесь «владимирцы» — это представители знати, которые дают указания игумену Феодулу и деместнику Луке, чтобы те сделали приготовления для устройства траурного поезда, а священнику Микуле — чтобы собрал священников для встречи процессии у Серебряных ворот. Об Андрее Боголюбском они говорят: «ать поѣдомъ возмемъ княза . а гсна своего Андрѣя», словно внезапно выйдя из деморализованного

⁹ См. о «единодушии» в принятии коллективных решений: [Лукин].

¹⁰ Заключение А. Н. Насонова о том, что в этом известии не следует усматривать сознательное искажение фактов летописцем с целью обелить князя [Насонов, 1924, с. 3], иным материалом подтвердил А. В. Назаренко. Ученый показал, что инициатива в этой акции действительно должна была принадлежать ростовцам и суздальцам, а Андрей Юрьевич был вынужден с ними солидаризироваться, поскольку Леон уж слишком рьяно приступил к выполнению их общего плана [Назаренко, с. 23].

¹¹ В Лавр: «горожане же Бѣлюбскыи».

состояния и обретя способность действовать сообразно ситуации. Затем они едут в Боголюбово, везут во Владимир останки князя «со чстью . съ плачем великымъ». Горожане же («людье») встречают князя во Владимире также плачем и воплем. И это горестное оплакивание описано летописцем со столь эмоционально достоверными подробностями, что не возникает мысли о чисто литературной природе текста: «и поча выступати стагъ ѿ Бѣлоубого . и людье не могоша са ни мало оудержати . но вси вопыхуть». Вид выдвигающегося к городу княжеского стяга, с которым князь входил в город после славных побед, возвышающегося теперь над траурной процессией, не мог не вызвать у народа сильнейшего эмоционального отклика. И поэтому остается вопросом, разные ли группы знати и горожан, с одной стороны, с равнодушием встретили весть об убийстве князя, грабили в городе, с другой — хоронили князя с честью и с плачем, или это одни и те же «владимирцы» прошли через катарсис и покаяние и, наконец, «плакаса по нѣмъ» и «съ чстью и с писньми блѣхвалными положиша его оу чюдноѣ хвалы достоино оу стоѣ Бѣѣ . Златоверхои . юже бѣ самъ создалъ» (Т. 2. Стб. 593).

Элита старых и новых центров, съехавшись во Владимире после смерти князя Андрея, еще смогла договориться. Но тон изложения уже совсем другой, нежели в известии об избрании Андрея или изгнании Леона.

Летописец пишет, что во Владимир съехали «Ростовци . и Сужьдалци . и Перенаславци . и вса дружина ѿ мала до велика» (Т. 1. Стб. 371; Т. 2. Стб. 595). Трактовка этой фразы дается Т. Л. Вилкул: «слова “суждальцы”, “ростовцы”, “владимирцы” и “дружина” взаимозаменяемы» [Вилкул, с. 73]. Вместе с тем думается, что нет оснований усматривать абсолютное смысловое тождество этих выражений. Смысл этой конструкции, видимо, в том, чтобы вместо дальнейшего перечисления съехавшихся летописец мог дать обобщение: «и вса дружина ѿ мала до велика». Подобного рода обобщающие обороты встречаются в древнерусских текстах и, в частности, в летописях довольно часто¹². Подтверждение такому пониманию можно найти в последующем тексте. После обсуждения собравшиеся принимают решение звать Ростиславичей, и к последним отправляются послы. При этом говорится, что послы «повѣдаша рѣчь дружину». Затем снова дружиной называют Ростиславичи тех, кто посылал за ними: «помози Бѣѣ дружинѣ . ѿже не забываютъ любве ѿѣа наиго» (Т. 1. Стб. 372; Т. 2. Стб. 596). Таким образом, нужно согласиться с А. А. Горским, который полагает, что «дружиной» здесь названа «знать Владимиро-Суздальского княжества, съехавшаяся в 1174 г. во Владимир» [Горский, с. 114, прим. 85]¹³. Подобная трактовка одного из смыслов термина дружина (как «люди князя») вообще отмечалась в науке неоднократно [Пресняков, с. 186, 193–194; Стефанович, с. 230–232].

Очевидно, что, хотя решение на собрании было принято, к нему пришли не легко и не без колебаний. Об этом свидетельствуют слова летописца, который осуждал преступление элитой Владимиро-Суздальской земли крестного целования, данного Юрию Долгорукому (княжить в Ростове и Суздале должны его младшие сыновья): «преступивше хесное цѣлованье . посадиша Андрѣа . а меншаа выгнаша». При этом летописец обмолвился: «ни здѣ по Андрѣи поманушася . но слушаху Дѣдилца и Бориса Рязанскою послу» (Т. 1. Стб. 372; Т. 2. Стб. 595). Стало быть, после смерти Андрея Боголюбского «дружина» «поманушася», то есть опомнилась/одумалась¹⁴, и вопрос о призвании Михалка и Всеволода, по всей видимости, обсуждался. Но более убедительными собравшимся показались речи рязанских послов.

¹² См. в НИ о событиях 1170 г.: «придоша подѣ Новгородѣ суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мьстислав съ смольняны и съ торопѣцкыны, муромѣци и рязанѣци съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцкыны, и вса земля просто Русьская» (С. 33). Чаще такие обобщения вводятся словами «просто» или «просто рещи», но не всегда.

¹³ Иная интерпретация этого текста представлена И. Я. Фрояновым и Ю. В. Кривошеевым, которые считают, что «от мала и до велика» относится не к дружине, а ко всем людям — «представителям» «всей земли-волости», «и простым, и знатым» [Фроянов, с. 178–180; Кривошеев, с. 67]. Но такая трактовка явно противоречит структуре фразы.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2004. Т. VII. С. 164.

Как показано П. В. Лукиным, решение веча и других собраний оформлялось как единодушное и было обязательным для всех [Лукин]. Так и в данном случае те, кто выступал за княжение Михалки и Всеволода, должны были подчиниться решению большинства, что скреплялось клятвой во Владимирском соборе («оутвердившеса стюю Бѣю»). П. В. Лукин отмечает сакральную природу такого единства, что подтверждается крестоцелованием [Лукин, с. 377–378]. Видимо, клятва в таких случаях не только служила сакрализации события, но и обеспечивала необратимость решения и непреложность дальнейшего «подчинения меньшинства большинству».

На княжение были приглашены Ростиславичи, поддержанные соседней Рязанью, и это стало началом смуты, разлада и противостояния. Сначала было разделено само княжество: Мстислав Ростиславич сел в Ростове, Ярополк — во Владимире. Дяди — младшие Юрьевичи — вскоре выгнали племянников и опять же разделили владения, хотя и не так радикально: Михалка сел во Владимире, а Всеволод — в Переяславле. Эти события не могли не влиять и на ментальность жителей тех или иных центров. При повествовании о столь сложных процессах летописатель порой оказывается в затруднительном положении из-за неопределенности объема понятий «ростовцев», «суздальцев», и «владимирцев». Так, повествуя о том, что ростовцы¹⁵ с Ярополком идут на Владимир, где затворился Михалка, он вынужден парадоксальным образом уточнять, что вместе с Михалкой во Владимире нет «владимирцев» — они по велению ростовцев идут на город. А когда Михалка уезжает и опять же «владимирцы», сидевшие с ним 7 недель в осаде, целуют крест Ростиславичу, они уже открыто заявляют о противоречиях между центрами: не с Ростиславичами бились из города, но не «хотаче... покоритися Ростовьцем и Суждальцемъ и Муромьцемъ» (Т. 2. Стб. 598), которые, оказывается, угрожали им пожечь Владимир, посадить там не князя, а посадника, аттестовали Владимир пригородом, а владимирцев — своими каменщиками. Этот момент — сидение в осаде, получение Ярополка в качестве своего владимирского князя (а не подчинение боярам «старых» городов), установление последним ряда с владимирцами — Ю. А. Лимонов считал поворотным моментом в истории города — оформлением владимирского веча. Ученый обосновывал это тем, что сказано: владимирцев не было во Владимире, кто же тогда сопротивлялся, сидел в осаде и т. д.² В связи с этим он вновь ставит вопрос о смысловом наполнении слов «владимирцы», «ростовцы» и т. п. Однако сам Ю. А. Лимонов несколько ранее на этот вопрос уже отвечал: «...В каждом отдельном случае летописные определения “суздальци”, “владимирци”, “ростовци” требуют отдельного рассмотрения, ибо их содержание различно» [Лимонов, 1987, с. 120]. Думается, здесь нужно учитывать традиции летописного нарратива и, в частности, передачи в таком нарративе прямой речи. Если в подобном повествовательном тексте приводятся речи группы людей, «условно коллективные речи», их нужно рассматривать лишь как сформулированный пишущим итог, которому могли предшествовать самые ожесточенные споры (иногда их фрагменты также попадают на страницы летописи). Таким образом, «владимирцы» могли составлять различные партии, одна из которых находилась в воле ростовцев, а другая сидела в осаде с Михалкой.

Собственно, и из рассказа о событиях после гибели Андрея Юрьевича ясно, что позиции были различны, поскольку, как оказывается в дальнейшем, Ростиславичей ждут ростовцы, а владимирцы хотят видеть князем Михалку.

Как правило, последующие события трактуются как стремление владимирцев получить «своего» князя, а не попасть в волю бояр «старших» городов. Однако позицию владимирцев можно рассматривать и как поддержку старшего Юрьевича, на его княжение, как указывает

¹⁵ А. Н. Насонов отмечал, что в статьях 6683–6685 г., «когда владимирский летописец говорит о “ростовцах” и “суздальцах”, он понимает именно ростовцев и суздальцев (а не вообще население ростово-суздальской земли)» [Насонов, 1969, с. 160].

летописец, когда-то целовали крест его отцу и власть которого должна распространиться на всю Суздальщину. Именно такую мотивацию горожан подтверждает добавление в ЛПС относительно переяславцев: Ярополк едет «к дружине» к Переяславу, «а Переяславцемъ не хотимъ его, а хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ»¹⁶.

Были ли слова ростовцев о владимирцах как о «каменщиках», о посаднике, о Владимире-«пригороде» брошены в запал вражды, или у них были надежда и стремление вернуть Ростову старейшинство, каким он обладал в начале XII в.? Как бы то ни было, реально такой поворот не был возможен в отношении Владимира — города, имевшего мощные укрепления, который был стольным в течение почти двух десятилетий и именно таким сформировался как хозяйственно-административный, архитектурный и идеологический феномен, с чудотворной иконой-палладиумом. Да и сама знать «старших» городов съехалась во Владимире, а не в Ростове и не в Суздале.

После победы Михалки владимирцы назовут суздальцев и ростовцев врагами и потребуют расправы над ними. Разлад продолжится и внутри городов. После победы Михалки «прислашася к Михалкови князю Суздаляци» (Т. 1. Стб. 378) с заверением, что они не были «в полку» против него, а бились вместе с Мстиславом — бояре.

Младшие Юрьевичи вновь объединили Суздальскую землю. В какой-то момент Всеволод будет готов на ее разделение, но провидение распорядится иначе, вся власть окажется в его руках.

В. О. Ключевский отмечал, что распри в Суздальской земле были не похожи на южные, где за власть боролись между собой лишь князья. По словам историка, в отличие от Юга «в Суздальской земле местное население приняло деятельное участие в ссоре своих князей. За дядей стоял прежний пригород Владимир, недавно ставший стольным городом великого князя. Племянников дружно поддерживали старшие города земли Ростов и Суздаль, которые действовали даже энергичнее самих князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточение против Владимира» [Ключевский, с. 289–290]. Конечно, можно привести примеры активности жителей городов и в южных регионах: действия в 1133–1134 г. полочан, киевлян — в 1146 г., черниговцев — в 1147 г. Но события во Владимиро-Суздальской земле выделяются особо. История противостояния городов после смерти Андрея Боголюбского показывает, что в них формируется региональное самосознание, а князья могут не только опираться в своих начинаниях на поддержку бояр и слуг, но и апеллировать к населению. Думается, эти процессы были вызваны нестабильностью первенства центров, которая была заложена при Юрии, а затем развита при Андрее. Последний немало поспособствовал такому единению горожан своими не только политическими, военными и строительными акциями, но и пропагандой тех или иных идеологических программ, чем предвосхитил подобную направленную деятельность более поздних русских правителей.

Литература

- Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.
Горский А. А. От славянского расселения до московского царства. М., 2004.
Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1.
Кривошеев Ю. В. Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003.
Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 35–57.
Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. М., 1987.
Лимонов Ю. А. Летописец Юрия Долгорукого // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 40–42.
Лукин П. В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сб. памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 372–391.

¹⁶ Летописец Переяславля Суздальского. Изд. К. М. Оболенским. М., 1851. С. 85.

Назаренко А. В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир, 2013. С. 12–35.

Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. Вып. 1. С. 3–27.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.